

Внезапный порыв простуды

Внезапное появление Императора в тот день и его поспешный уход, словно камень, брошенный в тихое озеро дворца Икунь, хоть и не подняли огромных волн, но добавили тревоги и без того смятенным мыслям Нянь Шилань.

Она смутно чувствовала, что Император что-то заподозрил, но не могла понять, что именно, и лишь глубже заталкивала сомнения и страх в самую глубину души, становясь всё осторожнее.

То ли от душевного беспокойства, то ли от глубокой осенней стужи — не прошло и пары дней, как Нянь Шилань и впрямь подхватила простуду, начался жар. На этот раз не притворно, а по-настоящему свалилась: голова кружилась, кашель не прекращался, пришлось снова звать лекаря, плотно затворить двери дворца и тихо лечиться.

Весть, конечно же, в тот же миг долетела до дворца Цзинжэнь и Зала Воспитания Сердца.

Когда докладывала Цзянь Цю, И Сю как раз копировала каллиграфический свиток. Кисть её была тверда, ни малейшей заминки.

— И впрямь заболела? — спросила она ровным, бесстрастным тоном.

— Да, лекарь сказал — вторжение пагубного ветра в тело, нужно несколько дней хорошенько отдыхать и лечиться.

И Сю отложила кисть, взяла платок и тщательно вытерла кончики пальцев, хотя чернил на них не было.

— А Его Величество уже знает?

— Су Пэйшэн только что присылал человека с ответом. Его Величество сказал, что знает, и велел Императорскому медицинскому приказу хорошенько за ней ухаживать, а также пожаловал кое-какие лекарства.

— Ммм. — И Сю на мгновение задумалась. — Готовь паланкин. Я поеду навестить её.

Цзянь Цю слегка замялась:

— Госпожа, вы и сами в последнее время немного утомлены. А у госпожи Хуа во дворце воздух тяжёлый от болезни, не лучше ли...

— Пустяки, — прервала её И Сю. — Владычица Шести дворцов навещать заболевших наложниц

— это мой долг. — Взгляд её скользнул по серому небу за окном. — К тому же, именно в такие минуты нельзя давать повода злословить о дворце Икунь.

Когда экипаж феникса Императрицы прибыл во дворец Икунь, это, конечно же, привлекло тайное внимание многих. Больная Наследная наложница Хуа, собрав силы, попыталась подняться, чтобы приветствовать Императрицу, но И Сю вовремя удержала её, уложив обратно на постель.

— Раз уж так разболелась, к чему эти пустые церемонии, — сказала И Сю, садясь на вышитую скамеечку, которую пододвинули служанки. Взгляд её упал на пылающие жаром щёки и потрескавшиеся губы Нянь Шилань. Брови её чуть заметно дрогнули. — Что говорят лекари? Лекарства принимаешь вовремя?

Нянь Шилань в лихорадочном забытии, увидев И Сю, покраснела глазами, голос её стал хриплым и слабым:

— Простите, что заставляю Вас, госпожа, беспокоиться... Я, ваша наложница, ничего страшного... просто сил нет... — Она снова зашлась в резком кашле, до слёз на глазах, выглядела такой жалкой, что сердце сжималось.

И Сю знаком велела Сун Чжи подать воды, сама взяла чашку, поднесла к губам Нянь Шилань и напоила её несколькими глотками. Движения были естественными и плавными, полными не допускающей возражений нежности.

Нянь Шилань пила воду с её руки, в носу у неё стоял знакомый, успокаивающий холодный запах сандала. Горечь и зависимость сплелись в душе, она едва не разрыдалась.

В этот миг болезни, одиночества и слабости дары Императора казались холодными и далёкими, и только личный визит Императрицы и эта минута близости были так реальны и драгоценны.

— Болезнь наваливается, как рушится гора, а уходит, как вытягивают нить. Торопиться нельзя. — И Сю поставила чашку, платком осторожно вытерла влагу с её губ, голос её стал мягче. — Лечись хорошенько, о дворцовых делах не думай. Я уже распорядилась, чтобы никто не смел тревожить твой покой.

Она помолчала, затем, словно вскользь, понизила голос так, чтобы слышали лишь сидящие у постели:

— Его Величество тоже о тебе беспокоится, но дела государства неотложны, он не может вырваться. Ты не тревожься.

Эти слова Нянь Шилань в своём уме истолковала как утешение Императрицы, которая

оправдывает Императора. С благодарностью кивнув, она хрипло произнесла:

— Я, ваша наложница, понимаю... Благодарю Вас, госпожа.

Однако стоявшая рядом Цзянь Цю при этих словах вздрогнула. Слова госпожи... с виду обычные, но таят в себе тонкий смысл. Она упомянула и о заботе Императора, и подчеркнула, что он занят и не пришёл, — не нанесла ли она тем самым лёгкую царапину на и без того уязвлённое сердце Нянь Шилань? Или... это ей просто показалось?

Как раз в этот момент служанка внесла только что приготовленный отвар — густой горький запах мгновенно разлился по комнате.

Едва завидев чашу с лекарством, Нянь Шилань крепко нахмурилась, инстинктивно попятилась, на лице появилось выражение отвращения. С детства изнеженная и избалованная, она больше всего боялась горечи.

Сун Чжи мягко уговаривала её, но она отвернулась, не желая уступать.

Глядя на это, И Сю вдруг тихо рассмеялась. Смех был очень лёгким, но Нянь Шилань от удивления обернулась к ней — госпожа Императрица тоже умеет так смеяться?

— Такая взрослая, а всё боишься пить лекарство? — В голосе И Сю прозвучала редкая, почти насмешливая интонация. Она достала из рукава изящную коробочку с засахаренными фруктами, открыла её и протянула Нянь Шилань. — На, съешь одну после лекарства — и горечь пройдет.

Засахаренные фрукты выглядели аппетитно, сразу было видно — высший сорт. Нянь Шилань смотрела то на коробочку, то на слегка улыбающееся лицо И Сю, и на мгновение даже забыла о кашле. На бледном лице выступили два болезненных румянца — то ли от жара, то ли от смущения.

Она послушно взяла чашу с лекарством, затаила дыхание и одним духом проглотила горький отвар, тут же сморщившись от горечи. И Сю вовремя положила ей в рот засахаренный фрукт, кончики пальцев невольно легко скользнули по её горячим губам.

Обе на мгновение замерли.

Нянь Шилань, держа во рту сладкий фрукт, чувствовала, как горечь на языке быстро рассеивается, но то мгновенное прикосновение словно искра обожгло её сердце, заставив дрогнуть. Она поспешно опустила ресницы, не смея больше смотреть на И Сю.

И Сю с невозмутимым видом убрала руку, словно той секундной заминки и не было. Она смотрела, как Нянь Шилань съела фрукт, и только потом медленно произнесла:

— Хорошее лекарство горько, но помогает от болезни. Эта истина применима ко всему в жизни. Порой кажется — горше некуда, но если перетерпеть, потом почувствуешь сладость. А бывает... что горечь — неизбежна.

Слова её были многозначительны, взгляд спокойно и пристально смотрел на Нянь Шилань.

Нянь Шилань, вроде бы поняв, а вроде и нет, подняла на неё глаза. Госпожа говорит о лекарстве? Или о чём-то другом? О недавнем выговоре и предупреждении Императора? Или о законах выживания в гареме?

Она вдруг вспомнила тот старый горный женьшень, вспомнила покровительство Императрицы, вспомнила громы и молнии той ночи в Зале Воспитания Сердца... Да, некоторую горечь приходится терпеть поневоле. А госпожа Императрица — это та, кто подаёт засахаренные фрукты после того, как ты выпьешь эту горечь.

При этой мысли обида и смятение, вызванные охлаждением государя, в ней словно сменились твёрдой опорой и доверием. Она смотрела на И Сю ясным, исполненным доверия взглядом:

— Я, ваша наложница... запомнила.

И Сю не стала задерживаться. Ещё раз наказав Сун Чжи хорошенько прислуживать госпоже, она отбыла обратно во дворец.

Едва она ушла, как во дворце Икунь снова стало пусто и тихо. Однако Нянь Шилань почувствовала некоторое облегчение. Сладость засахаренных фруктов во рту, казалось, и впрямь разогнала немного горечь болезни. Она сжимала в руках коробочку с фруктами, гладила её, не желая выпускать.

И всё это, конечно же, через незримые глаза и уши, долетело до Зала Воспитания Сердца.

— ...Госпожа Императрица навестила лично, поила водой и лекарством, а также подарила засахаренные фрукты для утешения. Госпожа Хуа, кажется, весьма благодарна... — безэмоционально докладывал глава Управления Липкой Палки.

Инь Чжэнь стоял перед огромной картой, спиной к докладчику. Палец его застыл на какой-то заставе и долго не двигался.

Поила водой и лекарством? Дар засахаренных фруктов для утешения?

С каких пор Императрица стала такой... внимательной и заботливой? Или это просто способ привлечь кого-то на свою сторону? А благодарность Нянь Шилань — сколько в ней правды, а сколько лжи? Это признательность за сестринские чувства или... желание примкнуть к другой стороне?

Он медленно обернулся. На лице не было и тени эмоций.

— Я знаю. Ступай.

В зале снова воцарилась тишина. Инь Чжэнь подошёл к окну и посмотрел на сумрачное небо.

Простуда... визит к больной... засахаренные фрукты...

Прямо-таки картина сестринской любви.

Только вот откуда в этих глубинах дворца взяться беспричинной глубокой привязанности?

В его глазах мелькнул холодный, острый блеск.

Феникс царит под небесами, добродетель и мудрость сияют.

Остаётся надеяться, что его Императрица всего лишь слишком добродетельна.

<http://bllate.org/book/18894/1846951>